

Лирика срібляного века

Про книгу

Серебряный век — уникальная эпоха, расцвет новой поэзии. В сборнике чудесным образом переплелись чувственные образы Марины Цветаевой, непревзойденный символизм Константина Бальмонта, глубокая философия Александра Блока, бунтарство мятежной души Сергея Есенина, чеканные рифмы Николая Гумилева и витиеватость Осипа Мандельштама. Настоящий калейдоскоп чувств и переживаний талантливо облечен в стихотворную форму. Читая эти бессмертные строки, вы услышите неповторимый серебристый перелив слов классиков. Также в сборник вошли произведения И. Анненского, В. Хлебникова, В. Ходасевича и других поэтов.

ЛИРИКА
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА

ЛИРИКА
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА

ЛИРИКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

СТИХИ

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2019 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-7369-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Евгений Вдовиченко

Электронная версия создана по изданию:

Л62 **Лирика** серебряного века : стихи. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 384 с.

Содерж. авт.: Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт, Осип Мандельштам, Александр Блок, Николай Гумилев, Саша Черный, Иннокентий Анненский, Велимир Хлебников, Владислав Ходасевич, Сергей Есенин, Максимилиан Волошин

ISBN 978-617-12-7368-9 (PDF)

ISBN 978-617-12-6893-7

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

RICORDO DI TIVOLI¹

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила...
— Грустно и мило! —
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость — у Бога.

Море синет вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе — чайки...
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много выдавшая ель!
Плачет свирель...
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

ROUGE ET BLEUE²

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
— «Знаешь, Алина, мы платьвица скинем,
Будем купаться в пруду?».
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
— «Мама сказала — нельзя».
.....
Девушка в красном и девушка в синем

Вечером шли вдоль межи.
— «Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!»
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
— «Полно! ведь жизнь — не роман»...
.....
Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
— «Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, —
Пленницы в счастье своем»...
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
— «Что же? Ведь женщины мы!»

А во лбу моем — знай! —
Звезды горят.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Есть и шелковый пояс —
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много ль нас таких
На святой Руси —
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь — житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Август — астры,
Август — звезды,
Август — грозди
Винограда и рябины
Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! — Месяц
Ливней звездных!

Безнадёжно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадёжно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,

Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?!

ВОЛК

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подышает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою версту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, —
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, —
Не твоя вина — мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как Бог судил, —
К одному бабье ревниво:

Чтобы лап не остудил.

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

ВОЛЕЙ ЛУНЫ

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш — все звенело,
Увлекаясь их игрой...
Хлопнул ставень — потемнело,
Закрывается второй...
Кто там шепчет еле-еле?
Или в доме не мертво?

Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.
В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижим на паркете
След остывших башмачков.

В СУББОТУ

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

Восхищенной и восхищенной.
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день

Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?

Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За все, за все меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

ВСТРЕЧА

...«есть встречи случайные»...
Из дорогого письма

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел — так нежданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки

Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... — отворяй же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! —
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть —
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
— Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? — Златого утра краше!
Сказать еще? — Один во всей вселенной!

Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.
Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. — В камине воет ветер.
Облокотясь — уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Все пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! — Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но — вдохновенный —
Всем пророкочет голос мой крылатый —
О том, что жили на земле когда-то
Вы — столь забывчивый, сколь незабвенный!

Да, вздохов обо мне — край непочатый!
А может быть — мне легче быть проклятой!
А может быть — цыганские заплаты —
Смиранные — мои

Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,

Чем воздух — под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он — как и ты — глашатай
Господа своего.

Вы, идущие мимо меня

К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,
И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой —
Всегда б платили за постой —
Все эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой —
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы, —
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...

Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

ДОРТУАР ВЕСНОЙ

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих.
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожиданья,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинны, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

ДАМЕ С КАМЕЛИЯМИ

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты — невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир — она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила — спасена!

ДОБРЫЙ КОЛДУН

Все видит, все знает твой мудрый зрачок,
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнувший лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

ЕЕ СЛОВА

— «Слова твои льются, участием согреты,
Но темные взгляды в былом».
— «Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задетые белым крылом?»
— «Слова твои — струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске».
— «Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?»
— «Слова твои — песни, в них вызов и силы,
Ты снова, как прежде, бодра»...
— «Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?»

ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.

ЗИМОЙ

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Два солнца стынут, — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — италийским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,
Из уст пересохших — дыханье глотают...
А я — руки настужь! — застыла — столбняк!
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о, нежные, цепкие путы!
Нет, с нами Эол обращается круто.
— Небось, не растаешь! Одна — мол — семья! —
Как будто и вправду — не женщина я!

Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному — пыхать,
Красавице — искра в глаз!
— Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный,
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу — ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто отец? — Может — царь.
Может — царь, может — вор.

ДВА В КВАДРАТЕ

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них «она»?
Здесь умолкают все укоры, —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

— «Прошел он!» — «Кто из них? Который?»
К обоим каждая нежна.

Здесь умолкают все укоры. —
Вас двое. Наша ль то вина?

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает

Мой голос из-под земли.

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,
Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру, —
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
И посыпались камни обильно,
При паденьи сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев

Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.
Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустной дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи — ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольню, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блески,

Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая...
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

КАРТИНКА С КОНФЕТЫ

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом мужа!

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блески эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд... Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
— «Умру без слов при вашем первом слове!»

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:

— «Да ты больна?» Немного побледнев,
Она в ответ роняет: «Это нервы».

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину кончающего наконец,
Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

КОЛДУНЯ

Я — Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой — хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер — ничей...
Я сон твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
— Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ АСЕ

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
— «Уж поздно!» — «Мама, десять строк!»...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

КРОМЕ ЛЮБВИ

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы — ты и я — принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность — других.
Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной — любви.

Кто дома не строил —
Земли недостоин.

Кто дома не строил —
Не будет землею:
Соломой — золою...

— Не строила дома.

ЛЕТОМ

— «Ася, поверьте!» и что-то дрожит
В Гришином деланном баше.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша — мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася — смеется над Гришей!

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне

Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами.

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Асе

Ты — принцесса из царства не светского,
Он — твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обмениваться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою

С соучастницей вечной — луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер — одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть — на лету!

ЛУЧ СЕРЕБРИСТЫЙ

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

ЛУЧШИЙ СОЮЗ

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
— «С ним лишь на небе!» — «Здесь — не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней

Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи — только муки,
И речью служат вам цветы.
Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни — только тени.

МАМЕ

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.

Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! —
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты — майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.
Чуть заввижу знакомый вдали силуэт, —
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы бывшего напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Не хочу ни любви, ни почестей:
— Опьянительны. — Не падка!
Даже яблочка мне не хочется
— Соблазнительного — с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.

— Как мне хочется,
Как мне хочется —
Потихонечку умереть!

НЕДОУМЕНИЕ

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнувшие тропки, —
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк
И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ